

Виктор ЧУРИЛОВ

**БАЛЛАДА
О ПОЭТЕ**

Мы безмерно любили
жизнь
и страну...

Евгений БУРАВЛЁВ

ПРОЛОГ

В штабе
срочный приказ:
завтра утром – атака на крепость!
«Что ж, ударим ещё! Будь что будет... –
подумал комбат. –
Эта чёртова крепость – фашистов
свирепость,
неприступный сплошной каземат...
Каземату – ни танки, ни пулемёты,
даже бомбы – ему не указ.
Вся надежда на бога да на огнемёты.
Огнемётчики – смертники.
Но приказ есть приказ!»

И одним из бойцов огнемётного взвода
был Поэт.
Духом рыцарства не обделён,
защитил санинструктора от уroda.
...Трибунал. И штрафной батальон.
Был он лётчик.
Теперь огнемётчик.

Вот и Завтра.
Лишь грозно «катюши» пропели
и утих дальнобойной
раскатистый гром,
шли на подвиг бойцы,
шли на штурм цитадели,
на огонь отвечавшей огнём.

Крепость пала.
И враг
белый

выбросил
флаг!

Сам комбат
заглянул в медсанбат
после этой атаки.
И Поэту сказал:
– Напиши обязательно Стих!
Только честно пиши,
обо всех напиши
без утайки! –
и о мёртвых,
и о живых...

1. ВСТРЕЧА

Он стоял на Проспекте. Один.
(И была уже поздняя осень.)
Был усталым, как пахарь.
Оброс бородой.
(А ведь прежде он был безбородым!)
Не держал сигареты в руке,
как на тех,
как на книжно-журнальных
портретах известных...
Был, как прежде, Большой,
даже очень Большой
и с осанкою благородной.
Я к нему подошёл.
Он на миг показался мне братом.
Старшим братом, которого не было у меня.

Я к нему подошёл...
Так,
как прежде к нему подходил,
за советом.

Он внимательно выслушал.
Обещал непременно помочь...

Разве знал я,
что это – прощальная встреча с Поэтом?
Разве думал:
«Быть может, не мне,
а ему
срочно надобно было помочь?»

Впрочем,
что я?

Ведь он же Поэт!
А Поэту никто никогда не поможет!
Посмеются враги...
Повздыхают друзья...

Даже та,
что до боли,
до смертного часа любимой была.
Даже та...
Пусть та боль и её понапрасну
уже не тревожит.

Всё равно –
и она не смогла бы помочь.
Не смогла. Не могла...
Потому что – Поэт!
А поэты всегда одиноки.
Им до гроба нести
одиночества избранный крест.
Предначертан им рок.
Потому-то они и пророки!
Предрешён путь наверх –
без трусливой оглядки окрест.

Он стоял...
Он стоял, как солдат на посту.
Он смотрел умудрённо и строго
На шумящий Проспект,
где он жил, верность долгу храня.
Может, он вспоминал
ту, свою фронтовую дорогу,
по которой прошёл он,
теряя друзей,
до победного дня?
А за ней
пролежала другая дорога.
Сначала на карте.
А затем – по земле –
через реки,
сквозь горы, что не обогнуть...
И – глубинный Исток:
вдохновенья, стихов и азарта,
неуёмного,
распиравшего радостью грудь!
То ли это – Южсиб...
То ли – Счастье «в крылатом прорабском
плаще»...
То ли – Сказка о кладе,
что в быль претворяла страна-созидатель.
То ли...
Вот бы прожить ему лет...
Ну, пусть малость ещё!
Быть по праву в ряду,
где стоят и горняк, и писатель.
Где струилась строка –
и приятна, и улыбочиво горяча!
А в строке –
удалой молодецкий размах:

«У Игнатия Савельича
Иней искрится в усах,
Из-под шапки, из-под беличьей –
Чуба снежного краса...».

2. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Это было тогда...
Так хотелось хорошего много!
Кто из нас не мечтал
быть счастливым Счастливой страны?
Отчего же теперь
в его взгляде таилась тревога?
Неужели привиделась
той, грядущей беде
окаянные дни?
И тревога таилась в стихах
непривычным минорным напевом...
Неужели привиделся крах
неизбывной народной мечты?
Для чего же погиб
тот, безвестный солдат
подо Ржевом?

Для чего
с букваря
рисовали мы в Радость коммунны мосты?

Он стоял,
как солдат на посту,
как тогда,
перед взятием Кенигсберга.
Враг был рядом.
И он был готов побороться с врагом.
А сейчас,
в мирный день,
в ясный день
проходила проверка:
«Так же зорок дозор
на запасном пути,
где стоит бронепоезд
с сигнальным гудком?
И хранят ли единство,
как прежде,
однополчане?
Продолжают ли дело отцовское
их сыновья?
И готовы ли встать на защиту его
кузнечане,
и не только они –
вся советская наша семья?»

Может, всё это
 только приснилось ему –
 Одиссея... И голос Сирены?
 И что мир раскололся на свет и на тьму,
 И явил Афродите из пены...

Да ведь он же – Поэт!
 А Поэту дано
 видеть то лишь,
 что Муза велела,
 слышать то лишь,
 что Муза хотела.

А она посмеялась...
 Ведь ей всё равно:
 и – что сердце Поэта болело,
 и – что боль переходит в отчаянный крик...
 Ей ли слышать глухое: «Не надо!..»
 Из туза превратилась она в даму пик,
 ту, коварную, даму пик,
 а потом прогремела сонатой,
 злою Крейцеровой сонатой,
 разорвавшейся гранатой...

ЭПИЛОГ

Мне балладу хотелось бы завершить
 на мажорной возвышенной ноте.
 Да смогу ли я Память свою сокрушить,
 что, как рана, и ноет, и ноет?

Как же вышло –
 страна,
 что в боях рождена,
 Щит и Меч, задремав,
 уронила?

И, как волки, враги
 обнажили клыки,
 и жульё-вороньё закружило...
 Чёрной тучей накрыло Поэта страну,
 где он пел вдохновенно, встречая весну,
 об Отчизне, что не было краше...

Я не знаю, что смог бы Поэт нам сказать,
 доживи он до нашего века.
 Но придворным певцом вряд ли смог бы он стать
 и унижить в себе Человека.
 И не смог бы, как прежде,
 он в песне солгать.
 И не смог бы предать
 свою Родину-мать.
 Никогда, никогда бы не стал подлецом...
 Он всегда был Бойцом!
 И остался Бойцом!
 Был бы тем, кем он был.
 И любил, как любил.
 И врага не щадил.
 И себя не щадил.
 И не жил без труда
 никогда, никогда...

153

г. Юрга

